Годъ I. Суббота, 1 іюля 1906 г. № 4.

Для подписчиковъ на телеграммы безплатно.

Для не подписчиковъ въ розничной продажѣ 10 коп.

ТЕЛЕГРАФЪ и ПОЧТА

Выходитъ въ г. Минусинскѣ Енис. губ.

Рукописи доставляются четко написанными на одной сторонѣ листа съ обозначеніемъ фамиліи и адреса автора. Безъ обозначенія условій считаются безплатными. Анонимныя сообщенія не принимаются. Принятыя рукописи могутъ быть при надобности измѣняемы и сокращаемы.

Подписная цѣна съ приложеніемъ ежедневныхъ телеграммъ 1 руб. въ мѣсяцъ. Подписка считается только съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

Плата за объявленія: (въ ширину столбца) на 1-й страницѣ 15 коп. со строки—(занимаемаго мѣста) петита и на послѣдней 10 коп. При повтореніи скидка.

Типографія и при ней редакція газеты помѣщаются по Большой улицѣ въ соб. домѣ и Н-въ Шароновыхъ.

По сформированіи печатни газета будетъ выходить 3 раза въ недѣлю.

Отъ издателя.

Настоящая газета выходитъ въ неопредѣленные дни. Подписка спеціально на газету пока не открыта. Лица, состоящія и желающія быть подписчиками на телеграммы, будутъ получать въ счетъ той-же платы и выходящіе номера этой газеты. Подписная цѣна на телеграммы 1 р. въ мѣсяцъ.

Минусинскъ, 1 іюля.

Мы только что пережили событіе огромной исторической важности. Мы видѣли среди насъ перваго члена Государственной Думы, избраннаго изъ среды крестьянъ нашего уѣзда. Мы чествовали перваго избранника трудовой, крестьянской сермяжной Сибири. Въ лицѣ С. А. Ермолаева и всѣхъ, подобно ему пришедшихъ изъ деревни членовъ Думы, вся крестьянская Русь совершила такой огромный шагъ, какой еще недавно ей и не снился. Изъ своей жалкой лачуги *мужикъ* шагнулъ въ пышный Таврическій дворецъ, отъ крошечной, политой его потомъ, полосы земли перешелъ къ работѣ надъ всероссійской нивой народной, отъ сохи—къ кормилу, управляющему жизнію всего обширнаго отечества

Крестьянинъ Симонъ Ермолаевъ, котораго еще недавно любое начальство могло „гноить“ въ каталажкѣ, будетъ теперь въ лицо выражать свое довѣріе или недовѣріе министрамъ. Крестьянинъ Симонъ Ермолаевъ, котораго еще недавно за недостаточно быструю ѣзду или недостаточно почтительное сниманіе шляпы мелкія власти могли колотить по шеѣ, ругать отборною руганью, садить въ темную,—этотъ крестьянинъ Симонъ Ермолаевъ теперь неприкосновененъ для самихъ министровъ и царедворцевъ. Крестьянинъ Симонъ Ермолаевъ, который еще недавно обязанъ былъ подчиняться капризу и произволу любого урядника или жандарма, теперь будетъ участвовать въ составленіи законовъ, которымъ обязаны подчиняться не только урядники и жандармы, но губернаторы, генералъ-губернаторы и министры.

Вотъ тотъ огромный шагъ, который отдѣляетъ Шушенскаго крестьянина Симона Ермолаева отъ члена Государственной Думы Симона Афанасьевича Ермолаева. Труднѣе всего оцѣнить громадность этого шага, превратившаго мужика въ законодателя, тѣмъ, кто столько вѣковъ привыкъ не видѣть за мужикомъ *человѣка*, не уважать въ немъ человѣческую личность. Въ этомъ, къ сожалѣнію, мы имѣли случай недавно убѣдиться на дѣлѣ.

Государственная Дума.

Рѣчь члена Думы кн. Урусова, бывшаго товарища мин. вн. д.

„Я просилъ слова, гг. народные представители, чтобы представить вашему вниманію нѣкоторыя соображенія свои по поводу запроса Государственной Думы министерству и только-что выслушаннаго нами отвѣта на этотъ запросъ. Я полагаю, что извѣстія о скрывавшемся въ тайникахъ департамента полиціи станкѣ, печатавшемъ воззванія къ народу съ призывомъ его къ междоусобной войнѣ, мы разсматривали не столько въ виду факта прошлаго, интересующаго насъ въ отношеніи отвѣтственности виновныхъ лицъ, сколько въ виду тревожнаго вопроса о возможности дальнѣйшаго участія правительственныхъ чиновниковъ въ подготовленіи тѣхъ кровавыхъ драмъ, которыми мы за послѣднее время печально прославились и которыя, какъ показали событія послѣдняго времени, продолжаютъ разрастаться, возбуждая негодованіе всѣхъ, кому дорога человѣческая жизнь, кому дорого достоинство Русскаго государства. Весь интересъ, вся важность разсматриваемаго вопроса именно въ томъ и заключается, что погромъ и междоусобная рѣзня продолжаются и будутъ продолжаться въ независимости отъ отношенія къ нимъ того или другого министра внутреннихъ дѣлъ. Заявленіе министра представляется мнѣ недостаточно убѣдительнымъ, и съ этой цѣлью мнѣ придется коснуться вопроса о погромахъ и попутно выяснить ту роль, которую играла при этомъ заинтересовавшая насъ типографія. Изученіе погромовъ ставитъ ихъ изслѣдователя лицомъ къ лицу съ опредѣленными, всегда одинаковыми явленіями: во-первыхъ, погрому всегда предшествуютъ слухи объ его подготовленіи, распространяются возбуждающія воззванія, однородныя по стилю и содержанію и являющіяся въ роли буревѣстниковъ. Затѣмъ оффиціально указываемый при возникновеніи погрома поводъ его всегда впослѣдствіи оказывается ложнымъ. Въ дѣйствіяхъ погромщиковъ усматривается извѣстная планомѣрность: они дѣйствуютъ въ сознаніи какого-то права, въ сознаніи безнаказанности и дѣйствуютъ лишь до тѣхъ поръ, пока это сознаніе не будетъ въ нихъ поколеблено, послѣ чего погромъ прекращается быстро и легко. Въ дѣйствіяхъ полиціи нѣтъ единства: одни полицейскіе участки подвергаются сплошному разгрому другіе участки остаются почти нетронутыми. Послѣ арестовъ начальство, посѣщающее арестантовъ, не можетъ избѣгнуть впечатлѣнія, что передъ нимъ стоятъ не столько преступники, сколько обманутые кѣмъ-то темные люди. Чувствуется какая-то организація, однородная и широко задуманная. Въ январѣ 1906 г. къ одному изъ лицъ, занимавшему въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ второстепенное положеніе, но извѣстному въ качествѣ противника погромной политики (я говорю не о себѣ), стали поступать въ большомъ количествѣ образцы воззваній чистой работы, широко распространяемые, а также тревожныя жалобы съ указаніемъ на подготовленіе погромовъ въ Вильнѣ, Бѣлостокѣ, Кіевѣ, Николаевѣ, Александровскѣ и другихъ городахъ. Гомельскій январскій погромъ, подтвердившій основательность высказываемыхъ опасеній, и побудилъ упомянутое лицо употребить всѣ средства къ прекращенію остальныхъ погромовъ, что и удалось сдѣлать благодаря распоряженіямъ предсѣдателя совѣта министровъ, постепенно знакомившагося съ ходомъ негласнаго дознанія. При этомъ выяснилась такая картина. Группа лицъ, составляющихъ какъ бы боевую дружину одного изъ нашихъ патріотическихъ собраній, въ единеніи съ лицами, близко стоящими къ редакціи одной не петербургской газеты, предприняла борьбу съ революціей. Причину смуты они усмотрѣли въ иногородцахъ, жителяхъ окраинъ и черты еврейской осѣдлости. Русское населеніе, а также особо русскіе солдаты призывались къ расправѣ съ крамольниками въ десяткахъ тысячъ воззваній самаго возмутительнаго содержанія. Получались оригинальныя послѣдствія: такъ, воззванія отвозились членами сообщества на мѣста, вручались вѣрнымъ мѣстнымъ сочленамъ-союзникамъ, которые въ свою очередь распространяли эти воззванія осмотрительно и съ толкомъ: помощникъ полиціймейстера распространяетъ воззванія безъ вѣдома своего начальства, или приставъ 1-го участка удостоенъ довѣрія, котораго приставъ 2-го участка былъ лишенъ. У кого-нибудь изъ служащихъ въ жандармскомъ или въ охранномъ появлялись какія-то особыя суммы, къ нему начинали ходить какіе-то темные люди, въ городѣ ходили слухи о какихъ-то приготовленіяхъ. Губернаторъ успокаивалъ напуганныхъ, извѣщая однако, что далеко не все спокойно. Въ министерство летѣли телеграммы о принятіи мѣръ къ охранѣ спокойствія, но распоряженіямъ далеко не всѣ довѣряли. Служащіе чины полиціи совершенно добросовѣстно полагали, что мѣры принимаются для вида, для приличія, но что имъ извѣстна настоящая цѣль правительства. Шла невѣроятная путаница, полная дезорганизація и деморализація власти. Между тѣмъ въ Петербургѣ еще осенью 1905 г. въ домѣ № 16 на Почтамтской заработалъ въ отдаленной комнатѣ департамента полиціи печатный станокъ, пріобрѣтенный на средства департамента, на казенныя суммы. Къ станку былъ приставленъ жандармскій офицеръ въ штатскомъ платьѣ Коммиссаровъ, который съ нѣсколькими помощниками усердно готовилъ упомянутыя воззванія. Тайна существованія этой подпольной типографіи была такъ хороша соблюдена, такъ конспиративна, что не только въ министерствѣ, но и въ самомъ департаментѣ полиціи мало кто о ней зналъ. Работа, очевидно, шла усиленно, такъ какъ на вопросъ лица, случайно напавшаго на слѣды организаціи, о ходѣ дѣла Коммиссаровъ отвѣтилъ: „Погромъ устроимъ какой угодно: угодно—на 10 человѣкъ, а угодно—на 10 тысячъ“. Господа, эта угроза—историческая. (*Въ палатѣ сильное движеніе*). Къ свѣдѣнію депутатовъ-кіевлянъ добавлю, что въ Кіевѣ на 3-е февраля былъ назначенъ погромъ на 10 тысячъ, но его удалось предотвратить. (*Опять движеніе среди членовъ Думы*).

Говорятъ, предсѣдатель совѣта министровъ испыталъ сильнѣйшій припадокъ нервной астмы, когда ему были сообщены изложенные факты. Онъ вызвалъ къ себѣ Коммиссарова, который доложилъ ему о своихъ дѣйствіяхъ и о своихъ полномочіяхъ, а черезъ нѣсколько часовъ въ департаментѣ не было ни станка, ни воззваній, ни оригинала. Осталась пустая комната. Поэтому министръ внутреннихъ дѣлъ не будетъ имѣть возможности удовлетворить законное желаніе Думы узнать имена всѣхъ лицъ, которыя объединяли дѣйствія организаціи, обезпечили ей безнаказанность, дѣйствовали магически на полицейскихъ и другихъ правительственныхъ чиновниковъ и даже дали возможность добиваться повышенія и наградъ тѣмъ изъ нихъ, которые оказались наиболѣе дѣятельными.

Когда ораторъ замѣтилъ, что онъ уже утомилъ вниманіе Думы, раздались многочисленные возгласы: „Просимъ продолжать“. Далѣе онъ перешелъ къ выводамъ изъ сказаннаго. Первый выводъ заключается въ томъ, что министръ внутреннихъ дѣлъ не даетъ серьезныхъ гарантій относительно прекращенія указанныхъ организацій и происходитъ это потому, что члены организаціи и вдохновители ея находятся внѣ сферы воздѣйствія министерства. Болѣе того, ораторъ утверждаетъ, что никакое министерство, даже взятое изъ состава Думы, не сможетъ водворить въ странѣ порядокъ, пока какіе-то неизвѣстные люди, стоящіе въ сторонѣ, за недосягаемой оградой, будутъ грубыми руками хвататься за отдѣльныя части государственнаго механизма. Второй выводъ еще печальнѣе; онъ касается самой Думы. Депутаты принесли сюда со всѣхъ концовъ Россіи не только негодованіе, но и горячую жажду дѣятельности, самоотверженности и истиннаго, чистаго патріотизма. Всѣ и вся чувствуютъ, что темныя силы вооружаются противъ насъ, отнимаютъ отъ насъ Верховную власть, подрываютъ ея довѣріе къ намъ, нашей работѣ не даютъ протекать въ томъ единеніи съ властью, которое по закону, утвердившему намъ новый строй, является необходимымъ условіемъ успѣха, залогомъ непрестаннаго развитія нашей государственной жизни. Здѣсь скрывается большая опасность, и она не исчезнетъ, пока на дѣло управленія, на судьбы страны будутъ оказывать вліяніе люди, по воспитанію—вахмистры и городовые, а по убѣжденіямъ—погромщики“. „Р. В.“

Впечатлѣніе столичныхъ газетъ отъ рѣчи кн. Урусова.

Во всѣхъ министерствахъ вчера только и говорили, что о рѣчи кн. Урусова. Авторитетное свидѣтельство бывшаго товарища министра о „шаечной“ политикѣ произвело несравненно большее впечатлѣніе, чѣмъ смѣлыя рѣчи и дерзкія статьи представителей крайнихъ лѣвыхъ партій. Это говорилъ „свой“ человѣкъ. „Свой“ передъ лицомъ всего міра вскрылъ тайны разбойничьихъ организацій.

Рѣчи кн. Урусова придаютъ тѣмъ большее значеніе, что князь извѣстенъ за человѣка безпристрастнаго и объективнаго.

Корреспонденты заграничныхъ газетъ получили телеграммы о томъ, чтобы рѣчь кн. Урусова была передана въ заграничныя газеты цѣликомъ.

Кандидатура кн. Урусова на министерскій постъ.

Кн. Урусовъ своею рѣчью выдвинулъ свою кандидатуру на постъ министра внутреннихъ дѣлъ. Это общее мнѣніе. Вѣроятно, онъ займетъ скорѣе, чѣмъ кто бы то ни было, этотъ постъ, если новое министерство будетъ составляться изъ членовъ думскаго большинства. „Лѣтопись“.

О Государственномъ Совѣтѣ.

Годъ тому назадъ, 6 іюня 1905 г., мы въ качествѣ депутатовъ земскаго и городского съѣзда были приняты Государемъ въ Петергофѣ.

Покойный С. Н. Трубецкой произнесъ въ этотъ день свою замѣчательную, историческую уже теперь рѣчь.

Вотъ. что онъ говорилъ: „Въ обновленномъ строѣ бюрократія должна занять подобающее ей мѣсто. Она не должна узурпировать Вашихъ Державныхъ правъ, она должна стать отвѣтственной. Вотъ дѣло, которому должно послужить собраніе выборныхъ представителей. Оно не можетъ быть заплатой къ старой системѣ бюрократическихъ учрежденій. А для этого оно должно быть постановлено самостоятельно, и между имъ и Вами не можетъ бытъ воздвигнута новая стѣна въ лицѣ высшихъ бюрократическихъ учрежденій Имперіи. Вы сами убѣдитесь въ этомъ, Государь, когда призовете избранниковъ народа и встанете лицомъ къ лицу, какъ мы стоимъ передъ Вами“.

На рѣчь Трубецкого послѣдовалъ отвѣтъ Государя:

„Отбросьте ваши сомнѣнія. Моя воля — воля Царская созвать выборныхъ отъ народа—непреклонна. Привлеченіе ихъ къ работѣ государственной будетъ выполнено правильно“.

Трубецкому казалось, что онъ достаточно ясно сказалъ о средостѣніи. Послѣ отвѣтныхъ словъ Государя, что представительство будетъ правильно созвано, о государственномъ совѣтѣ и рѣчи быть не можетъ.

Увы! Какъ это, такъ и многое другое, что Трубецкой считалъ невозможнымъ,—сбылось.

Государственный совѣтъ началомъ своей дѣятельности блестяще показалъ свою мертворожденность и неспособность быть частью конституціоннаго механизма.

Въ самомъ учрежденіи и составѣ его заключается элементъ разложенія, который можетъ лишь заразить весь государственный организмъ, если это наслоеніе своевременно не будетъ изъято изъ организма.

„Между народнымъ представительствомъ и государемъ не можетъ быть воздвигнута стѣна въ лицѣ высшихъ бюрократическихъ учрежденій“,— говорилъ Государю годъ тому назадъ Трубецкой.

„Между Думой и Царемъ не должно быть государственнаго совѣта“,— говоритъ теперь вся Россія“. И если власть имущіе не услышатъ этого народнаго требованія и не произведутъ во всеоружіи власти сами необходимой операціи, этотъ наростъ въ недалекомъ будущемъ можетъ быть вырванъ изъ государственнаго организма, какъ вырвется и многое другое. Но это вырываніе причинитъ жестокую боль и страданія всему организму.

„Рѣчь“ *Кн. Пав. Долоруковъ.*

По Сибири.

Закрытіе Иркутской и Красноярской газетъ. Иркутскій военный генералъ-губернаторъ Алексѣевъ сдѣлалъ распоряженіе о пріостановленіи на время военнаго положенія въ краѣ изданія газетъ „Сибирское Обозрѣніе“ въ Иркутскѣ и „Голосъ Сибири“ въ Красноярскѣ; по частнымъ свѣдѣніямъ редакторъ послѣдней газеты Вс. М. Крутовскій высылается административнымъ порядкомъ въ г. Киренскъ Иркутской губерніи.

Телеграмма члена Государственной Думы Н. Ф. Николаевскаго изъ Челябинска: «Переѣхавъ границу Сибири, шлю пославшему меня трудовому народу всѣ свои симпатіи и увѣренность, что, при организованной на мѣстахъ поддержкѣ, сумѣю выполнить всѣ тѣ жизненныя требованія, которыя такъ единодушно и стойко вылились изъ устъ тысячнаго народа при моихъ проводахъ». «Р. С.»

Крестьяне села Частоостровскаго, Красноярск. у., недавно послали Государю телеграмму, въ которой выражаютъ свои вѣрноподданническія чувства по поводу манифеста 17 октября и объявленія Красноярскаго, Канскаго и Ачинскаго уѣздовъ на военномъ положеніи.

Странное чувство у жителей села Частоостровскаго. Они въ одно и то же время рады и манифесту 17 октября, и военному положенію, и свободѣ, и висѣлицѣ.

«В. О».

Изъ Тюмени пишутъ: «Нашъ патріархальный городъ недавно взволнованъ былъ забастовкой солдатъ. Четвертая рота—«Демократическая», какъ называетъ ее начальство, отказалась два раза идти на занятія, страшно напугавъ этимъ начальство и вызвавъ въ городѣ панику и нелѣпые слухи. Недовольство среди солдатъ, вернувшихся съ Дальняго Востока, часто вспыхиваетъ и, того гляди, разразится чѣмъ-либо трагическимъ». «Н. Ж.»

Объяснилъ. 19 мая крестьянскій начальникъ созвалъ въ д. Александровкѣ Имисской вол., Минусинс. у. сельскій сходъ, говорилъ много о несоотвѣтствіи нынѣ засѣдающей Государственной Думы, указывалъ на неосновательность требованій Думы и въ заключеніе сказалъ цѣлому сходу, что «вы де теперь не только плуги и сохи можете просить у Думы, но при желаніи—даже перемѣны своихъ женъ, пояснивъ: если онѣ у васъ корявыя, то Дума дастъ лучшихъ».

«Г. С».

Всеобщее образованіе въ Приамурьѣ. Согласно проекта всеобщаго образованія, въ приамурскомъ краѣ съ о. Сахалиномъ потребуется открыть 1071 школу; въ каждой школѣ должны обучаться не болѣе 50 дѣтей. Постройки школьныхъ зданій и содержаніе школъ должны производиться на средства населенія, плата же жалованья учащимъ относится на средства казны. Расходы на жалованье учительскому персоналу исчислены въ приамурскомъ краѣ въ 768,690 руб. Въ настоящее время общество хочетъ постепенно осуществлять этотъ планъ. «С. Ж »

Путешествіе въ Акатуй. Въ Читѣ получено письмо отъ одного изъ политическихъ, сосланныхъ изъ Иркутска въ Акатуй. Въ письмѣ заключается описаніе путешествія.

Отъ Читы до Срѣтенска,—говоритъ авторъ письма,—доѣхали хорошо, отпускали гулять безъ конвоя, но за то въ Срѣтенскѣ встрѣтили такъ, что стыдно описывать.

Въ Срѣтенскѣ узникамъ не дали лошадей, чтобы отвезти вещи въ этапъ, и они запротестовали. Тогда имъ дали двѣ лошади, но въ отмщеніе за протестъ объявили, что отберутъ у нихъ табакъ и папиросы; узники не согласились отдать; тогда начальникъ крикнулъ: «если не отдадутъ табакъ, то сейчасъ же всѣхъ заковать въ наручники и выпороть(?!)» Табакъ не былъ отданъ.

Тогда было приказано не давать заключеннымъ кипятку. Узники снова запротестовали; тогда къ нимъ явился въ качествѣ парламентера фельдфебель, который предложилъ заключеннымъ послать для переговора съ начальствомъ одного изъ товарищей. Товарищъ былъ посланъ. но вмѣсто переговоровъ его схватили, заковали въ наручники и посадили въ одиночное заключеніе. Когда пришло время партіи арестованыхъ идти дальше, то она заявила, что безъ арестованнаго товарища не уйдетъ, тогда начальство послало 15 человѣкъ съ винтовками и солдаты посредствомъ ружей вытолкали ихъ изъ камеры. Путь до Акатуй совершенъ благополучно, а товарищъ остался въ Срѣтенскѣ въ качествѣ заложника. «С. О.»

Движеніе на сиб. ж. д. Не смотря на прекратившееся воинское движеніе въ пассажирскихъ поѣздахъ, обѣ пары ихъ, особенно нечетныя, продолжаютъ ходить переполненными публикой. «С. Ж.»

Сибирскіе каратели. «Сиб. Обозр.» слышало, что среди группы иркутской интеллигенціи возникла мысль собрать подробный матеріалъ о дѣйствіяхъ отряда Меллеръ-Закомельскаго на Забайкальской и Сибирской жел. дорогахъ съ тѣмъ, чтобы обо всемъ этомъ довести до свѣдѣнія Госуд. Думы. Этотъ же кружокъ ставитъ себѣ цѣлью освѣтить должнымъ образомъ дѣятельность «суда» при генералѣ Ренненкампфѣ а также и дѣятельность «комитета трехъ» на Забайкальской жел. дорогѣ. «С. О.»

Черносотенная газета. Иркутскимъ губернаторомъ выдано дворянину Вас. Андр. Годену свидѣтельство на изданіе въ Иркутскѣ, подъ его личнымъ редакторствомъ и отвѣтственностью, газеты (съ выходомъ періодически, не менѣе 3-хъ разъ въ мѣсяцъ) подъ названіемъ «Сибирскій Черносотенецъ». Цѣна номера газеты десять к. Печататься будетъ въ типографіи Сизыхъ.

«С. О.»

„Иркутскія Губ. Вѣд.“ сообщаютъ, что въ числѣ кандидатовъ **на должность гор. секретаря** есть заявленіе отъ бывшаго редактора-издателя газеты «Енисей» (переименованной затѣмъ въ «Сибирскій Край») Е. Ф. Кудрявцева, служащаго въ настоящее время счетоводомъ на постройкѣ участка Сиб. ж. дороги. «С. О.»

Восемь лѣтъ каторги.

Письмо въ Редакцію.

Всѣ, близко знавшіе дѣятельность харбинскаго издателя и книгопродавца Павла Владиміровича Ровенскаго въ эти послѣдніе годы, должны были прочесть съ изумленіемъ невѣроятное извѣстіе о присужденіи его къ восьмилѣтней каторгѣ.

Восемь лѣтъ каторги человѣку, который явился однимъ изъ первыхъ піонеровъ не хищеній русскихъ, а русскаго образованія въ Манчжуріи, снабжая русское и начинавшее кое-гдѣ учиться по-русски китайское населеніе необходимымъ образовательнымъ матеріаломъ, организовавъ въ такомъ далекомъ краѣ превосходно поставленное книжное дѣло!

Восемь лѣтъ каторги человѣку, который явился мирнымъ просвѣтителемъ и въ страшные дни манчжурской бойни въ томъ самомъ Харбинѣ, гдѣ все было полно дикаго пьянства и разврата, сдѣлалъ изъ своей книжной торговли и своего печатнаго органа просвѣтительный центръ, отвѣчавшій запросамъ всѣхъ тѣхъ представителей арміи, въ которыхъ не умерла духовная жизнь!

Восемь лѣтъ каторги тому, кто, имѣя полную возможность въ такой атмосферѣ сколотить огромныя средства продажею всевозможной грязной, пошлой литературы, распространялъ среди мучавшихся и нравственно гибшихъ среди манчжурскихъ ужасовъ людей только хорошую, честную гуманную книгу, которая не дурманила ихъ, а напротивъ, помогала имъ сохранить свое человѣческое достоинство!

Нѣтъ! Это недопустимо. Неужели же этого старика, почти истомленнаго раньше уже пережитыми въ Сибири страданіями, этого полезнѣйшаго дѣятеля спустятъ на дно каторжныхъ рудниковъ за его мирную просвѣтительную работу?

На-дняхъ уже появился протестъ изумленія и скорби по этому поводу одного-военнаго. Неужели его голосъ останется одинокимъ? Неужели другіе представители Манчжурской арміи останутся неблагодарны къ человѣку, радѣвшему объ ихъ духовныхъ интересахъ?

Неужели, наконецъ, русскіе литераторы, издатели, читатели, всѣ, кому дорого просвѣтительное слово, не соединятся въ единодушномъ требованіи отмѣны этого приговора?

Прошу другія газеты перепечатать это письмо.

Редакторъ-издатель изданій «Посредника»

И. Горбуновъ-Посадовъ.

„По рубрикамъ“.

(ИЗЪ НЕДАВНЯГО ПРОШЛАГО).

Кому, какъ мнѣ, удалось въ самый разгаръ „революціи“ конца 1905 г. проникнуть въ самую глушь провинціи, а затѣмъ наблюдать за нею и въ моментъ реакціи, тотъ несомнѣнно, былъ свидѣтелемъ самыхъ удивительныхъ явленій, какихъ Россія, вѣроятно, не видѣла за все время своего тысячелѣтняго существованія.

Если даже для столичной бюрократіи „революція“ явилась полною неожиданностью, то можете себѣ представить, какой переполохъ произвела она въ средѣ бюрократіи губернской, а тѣмъ болѣе уѣздной и деревенской.

Въ самомъ же началѣ освободительнаго движенія выяснилось, что бюрократія не обладаетъ никакимъ нравственнымъ авторитетомъ, что ея роль обосновывалась исключительно на силѣ физической, безъ каковой она не можетъ существовать ни единой секунды.

И бюрократія настолько сознавала это, что, какъ только увидѣла перевѣсъ физической силы на сторонѣ населенія, она даже не сдѣлала попытки возстановить свой авторитетъ на какомъ-нибудь другомъ фундаментѣ,--напримѣръ, религіозномъ или патріотическомъ,— а немедленно скрылась, напоминая эмиграцію въ моментъ французской революціи.

Были цѣлые районы, особенно вблизи крупныхъ желѣзнодорожныхъ пунктовъ, въ которыхъ днемъ съ огнемъ невозможно было розыскать ни земскихъ начальниковъ, ни становыхъ приставовъ, ни урядниковъ, ни даже старшинъ и старостъ: всѣ они куда-то скрылись, ожидая выручки отъ правительства, и ни на что болѣе не расчитывая.

Когда же правительство эту помощь оказало, началась реставрація обозленной бюрократіи, поклявшейся уничтожить малѣйшіе признаки тѣхъ условій, благодаря которымъ она чуть-было не лишилась насиженныхъ мѣстъ и безконтрольной власти надъ населеніемъ.

Благодаря узости взглядовъ, бюрократія видѣла эти условія не въ государственномъ строѣ, не въ полицейско-бюрократическомъ режимѣ, а исключительно въ злой волѣ населенія, „распустившагося“ благодаря ряду манифестовъ и особенно—вслѣдствіе манифеста 17-го октября.

Безусловно презирая народъ, считая его созданнымъ исключительно для подчиненія, не вѣря даже въ возможность со стороны его сознательнаго стремленія къ свободѣ, бюрократія по вѣковой традиціи всю вину взвалила на „крамолу“, существующую, по ея мнѣнію, отдѣльно отъ населенія, въ лицѣ разныхъ „агитаторовъ“. Слѣдовательно, путь былъ ясенъ: уничтожить крамолу съ корнемъ,—и бюрократія спасена.

И вотъ на этой-то почвѣ и создались тѣ ужасающія картины разстрѣловъ, казней и арестовъ, которыя составятъ самыя мрачныя страницы русской исторіи.

Мнѣ представился случай получить въ видѣ писемъ изъ одной мѣстности весьма поучительныя данныя, по какимъ признакамъ опредѣлялась крамола,—причемъ эти письма дали возможность составить изъ нихъ нѣчто въ родѣ разсказа, каковой я и предлагаю вниманію читателей.

— О, Господи!—произнесъ о. Петръ, дочитавъ лежавшую передъ нимъ бумагу.

— А что такое?—спросила матушка, сидѣвшая въ креслѣ неподалеку отъ мужа и вязавшая чулокъ.

— Да то такое, что и самъ не разберу... Консисторія предписываетъ, чтобы священнослужители говорили проповѣди по случаю бунтовъ...

Матушка взглянула на о. Петра поверхъ очковъ и сказала;

— А тебѣ что: напиши имъ, чтобы говорили...

— Напиши, напиши,—съ раздраженіемъ сказалъ батюшка,—а что напиши? Тутъ еще говорится, чтобы разъясненія сдѣлать... Старый-то владыко не мудрствовалъ лукаво, а новый—во какія поученія дѣлаетъ!...

О. Петръ опять надѣлъ очки, которыя собирался-было уже вложить въ футляръ, и, водя пальцемъ по бумагѣ, вслухъ излагалъ матушкѣ содержаніе посланія своими словами:

— Вотъ тутъ говорится, что бунты и волненія происходятъ отъ партій...

— Отъ кого?—переспросила матушка, бросивъ вязать чулокъ и опершись на ручку кресла, чтобы лучше слышать.

— Отъ пар-тій...

— Да кто они такіе?

— Ахъ, не перебивай!—вотъ дальше слушай... Сбила ты меня...

О. Петръ сталъ искать потерянное мѣсто и, нашедши, продолжалъ:

— Партіи сіи суть: соціалисты-демократы, соціалисты-революціонеры, конституціоналисты...

Тьфу!—плюнула матушка и опять перебила батюшка:—да что это такое, прости Господи...

Партіи, говорю тебѣ, пар-тіи...

Въ это время донесся звонъ почтоваго колокольчика. О. Петръ поднялся съ кресла и подошолъ къ окну.

Звонокъ слышался все ближе и ближе, и, наконецъ къ крыльцу подъѣхалъ крытый экипажъ, запряженный тройкой взмыленныхъ лошадей.

— Приставъ пріѣхалъ,—сказалъ батюшка.—Должно-быть опять что-нибудь есть...

— Самоваръ что ли заказать?—спросила матушка.

— Да закажи: время къ вечеру, а ему не близко въ станъ ѣхать.

Матушка встала и какъ утка заковыляла въ кухню, а батюшка направился въ прихожую.

Приставъ, громаднаго роста мужчина, съ большими усами и бритымъ подбородкомъ, снявъ шубу, подошолъ молча къ о. Петру и поцѣловалъ его руку, а батюшка перекрестилъ пристава и тотчасъ же спросилъ:

— Откуда?

— Отъ исправника.

— Въ городѣ были?

— Да.

— Ну, что тамъ?

— Эхъ, одно слово! Ббѣ-да!

— Ну, заходите и разсказывайте.

Они вошли въ комнату и сѣли на большомъ диванѣ у круглаго стола.

— Бѣда,—говорите вы?—началъ бесѣду о. Петръ.

— Бѣда, бѣда, хуже бѣды!

— А что такое?

Приставъ оглянулся и, понизивъ голосъ, отвѣтилъ:

— Къ намъ въ Свинарку назначили генералъ-губернатора.

О. Петръ изумленно взглянулъ на пристава и переспросилъ:

— Въ Свинарку ген.-губернатора?

— Да, да, батюшка: дня черезъ три—четыре пріѣдетъ, будетъ жить близъ станціи, въ усадьбѣ Стрепетовскаго.

— Съ нами крестная сила, Илья Кирилловичъ! Виданое ли это дѣло: въ Свинаркѣ—генералъ-губернаторъ!...

— Если бы вы видѣли, какъ пораженъ исправникъ! Просто, знаете ли, лица на немъ нѣтъ. И что удивительно: раньше никакихъ инструкцій не давали, и теперь вдругъ...

Приставъ опять оглянулся и почти шопотомъ продолжалъ:

— Просто ума не приберешь...Дали манифестъ 17 октября, предупрежденія не сдѣлали, инструкцій не давали, народъ распустили, а теперь—на! Мнѣ приказано квартиры для казаковъ и солдатовъ отвести, а ген.-губернатору такія права предоставлены, что можетъ кого угодно и вѣшать, и стрѣлять, и въ тюрьму засадить...

— Святъ, святъ, святъ, Господь Богъ Саваоѳъ,—прошепталъ о. Петръ и перекрестился.

— Теперь вотъ не знаю, что мнѣ и дѣлать,—между тѣмъ продолжалъ приставъ,—исправникъ далъ мнѣ бумаги, отношеніе и всякой всячины, а ничего не пояснилъ: „Дѣйствуйте, говоритъ, сообразуясь съ мѣстными условіями“. А я, какъ заглянулъ въ эти бумаги, повѣрите ли, мурашки по тѣлу запрыгали: тамъ знаете ли, перечислены эти партіи—Ббоже мой!

— И у васъ перечислены?

— Да, да...

— Мнѣ тоже консисторія прислала: дѣйствительно, дѣло сложное...

— Да вамъ-то, батюшка, что-о, а у меня генералъ-губернаторъ свѣдѣнія можетъ затребовать...

— А у меня владыко!

О. Петръ и приставъ задумались. И было надъ чѣмъ.

Деревенская бюрократія испоконъ вѣковъ была знакома лишь съ обыкновенною „неблагонадежностью“, въ которой не отдавала себѣ яснаго отчета и которая окончательно опредѣлялась въ жандармскихъ правленіяхъ губернскихъ городовъ, затѣмъ „секретно“ сообщалась исправникамъ, послѣдними „секретно же“ передавалась приставамъ, а они уже чисто механически „приводили въ исполненіе предписаніе“, весьма часто не понимая, въ чемъ дѣло. Иной разъ, конечно, инициатива исходила и отъ деревенской бюрократіи, но окончательное заключеніе опять-таки завершалось въ губерніи. А тутъ вдругъ возлагается совершенно самостоятельная работа!

— Я, вотъ, и заѣхалъ съ вами посовѣтоваться,—послѣ нѣкоторой паузы сказалъ приставъ: вы—человѣкъ образованный...

— Все перезабылъ, Илья Кирилловичъ: вѣдь мнѣ весною кончится 70 лѣтъ! Дѣйствительно, въ семинаріи мы проходили о соціалистическихъ ученіяхъ, но это не то, совсѣмъ не то! А, главное, если дѣйствительно ген.-губернаторъ затребуетъ свѣдѣнія, какъ же его знать, кто именно имѣетъ тотъ или иной преступный образъ мыслей...

— Я исправнику на это указывалъ и говорилъ, что черезъ жандармовъ бы получить свѣдѣнія, а онъ отвѣтилъ, что всѣ бунтовали, и жандармы не успѣли все разузнать, такъ что надо развѣдать на мѣстахъ, а потомъ того,—говоритъ,—все это зависитъ отъ ген.-губернатора: если потребуетъ—вынь да положь.

— Справедливо, справедливо,—замѣтилъ батюшка.

— Вы ужъ простите меня, о. Петръ, а я у васъ сегодня сборъ назначилъ: прибудутъ свинарскій старшина, волостной писарь и урядники—отъ васъ ближе всего и къ волостному правленію... Съ земскимъ бы начальникомъ надо поговорить, да онъ какъ уѣхалъ до забастовки дорогъ, такъ слѣдъ простылъ.

— Да вѣдь усадьбу его сожгли?

— Нѣтъ, самый домъ уцѣлѣлъ...

— Боится, должно—быть, возвращаться...

— Боится!?. Надо-же... Эхъ, ма!

Приставъ всталъ съ дивана и заходилъ по комнатѣ.

— Матушка, а матушка!—крикнулъ о Петръ.

— А что?—откликнулась изъ сосѣдней комнаты матушка.

— Пора лампы зажигать да самоварчикъ...

Въ это время матушка вошла въ гостинную и, поздоровавшись съ приставомъ, отвѣтила батюшкѣ:

— У Фимки воды не было: покуда къ колодцу ходила да поставила самоваръ и замѣшкалась... Сейчасъ лампы принесетъ, а потомъ и самоваръ...

Матушка сѣла на диванъ и обратилась съ вопросомъ къ приставу:

— Ну, что новаго привезли?

— И не говорите, матушка,—отвѣтилъ приставъ, садясь въ кресло,—голова ходоромъ ходитъ...

— Да что они съ ума тамъ посходили?

— Поди-что и такъ... Оно, конечно, и бунтъ большой былъ... У васъ-то, слава Богу, тихо прошло, а что въ Свинаркѣ, на вокзалѣ дѣялось! Свѣтопреставленіе! Вотъ сейчасъ вспоминаю, а самъ-себѣ, ей Богу, не вѣрю: все, кажется, во снѣ видѣлъ... Подумайте только, что рабочіе и мужики выдѣлывали! Всего теперь даже не могу и разсказать! На вокзалъ мужики валомъ валили! Туда же таскались учителя и учительницы! Потомъ на паровозахъ пріѣзжали разные господа, вывѣшивали красные флаги, пѣли и кричали... А что тамъ говорилось!.. Всего и не передать.

— Слышали, слышали,—качая головою сказалъ батюшка, именно свѣтопреставленіе...

Матушка тоже хотѣла сказать что-то, но ей помѣшала Фимка, принесшая лампу, послѣ чего она стала накрывать столъ, а потомъ принесла самоваръ, закуски и водку. О. Петръ и приставъ стали тотчасъ же усердно выпивать и закусывать, покуда Фимка не доложила о прибытіи писаря и

По Россіи.

„Военный Голосъ“ предъявляетъ полковнику Риману рядъ обвиненій въ серьезнѣйшихъ уголовныхъ преступленіяхъ: «Вы, Полковникъ Риманъ, обвиняетесь, пишетъ газета: ...2) въ томъ, что, прибывъ 16 декабря 1905 года съ поѣздомъ на ст. Перово, московско-казанской жел. дороги, вы приказали стрѣлять въ старшаго помощника начальника станціи Сергѣя Орловскаго въ то время, когда онъ поднялся на верхнія ступеньки станціонной лѣстницы, не допросивъ его, не предъявивъ ему какого-либо обвиненія, не потребовавъ отъ него какихъ-либо объясненій. Раненый Орловскій былъ добитъ штыками на вашихъ же глазахъ. (стр. 32—33);

3) въ томъ, что тогда же и тамъ же, позвавъ къ себѣ, въ комнату на станціи, второго помощника начальника станціи Перово, Алексѣя Ларіонова, вы, по выходѣ оттуда черезъ нѣсколько минутъ, приказали ему слѣдовать за вами, а когда это было Ларіоновымъ исполнено, вы скомандовали стоявшимъ около лѣстницы четыремъ солдатамъ:—«въ штыки его!» Когда проколотый штыками Ларіоновъ упалъ на платформу, вы лично выстрѣлили ему въ високъ изъ револьвера и тѣмъ добили его. (стр. 34 и 45);

4) въ томъ, что тогда же и тамъ же, производя обыскъ въ квартирѣ желѣзнодорожнаго служащаго Ивана Оводова, вы, въ отвѣтъ на просьбу его деликатнѣе обращаться съ вещами, прійдя въ раздраженіе, крикнули матери Ивана Оводова:—«посторонись, старуха!» и, лѣвой рукой отстранивъ ее,—собственноручно выстрѣлили въ лобъ Ивана Оводова и убили его (стр. 17 и 47);

5) въ томъ, что, прибывъ 17 декабря 1905 года рано утромъ съ поѣздомъ своимъ къ платформѣ Подосинки и произведя обыскъ на дачѣ г. Михельсона, служившаго счетоводомъ на московско-казанской желѣзной дорогѣ, вы приказали ему выйти на улицу, а когда онъ это исполнилъ, приказали стрѣлять въ него и еще въ двухъ другихъ лицъ «дружинниковъ»,—всѣ они были убиты безъ производства допроса, предъявленія обвиненій и возможности оправдаться (стр. 62 и 68):

6) въ томъ, что, арестовавъ днемъ 17 декабря 1905 г. помощника станціи Люберцы П. Ф. Смирнова и, объявивъ ему, что онъ будетъ разстрѣлянъ, вы на другой день утромъ собственноручно привели это постановленіе въ исполненіе близъ станціонной водокачки, выстрѣливъ Смирнову сперва въ упоръ въ лицо, потомъ въ затылокъ, потомъ [illegible] (стр. 66—67);

7) въ томъ, что, прибывъ 18 декабря 1905 г. съ поѣздомъ на ст. Голутвино, вы на просьбу задержаннаго машиниста голутвинскаго депо Варламова позволить ему объясниться, отвѣтили приказаніемъ «застрѣлить его!»—что и было исполнено (стр. 92).

8) и въ томъ, что, возвращаясь послѣ вышеизложеннаго въ станціонный залъ, вы встрѣтились тамъ съ ѣхавшимъ изъ Манчжуріи запаснымъ нижнимъ чиномъ Ильичевымъ и послѣ объясненія съ нимъ, сущность котораго осталось невыясненной,—крикнувъ ему:—«посмѣй только кто-нибудь слово сказать, разстрѣляю!»—убили Ильичева четырьмя револьверными выстрѣлами (стр. 93).

По поводу преданія суду генерала Стесселя за сдачу П.-Артура газета «Путь» говоритъ: «Съ того памятнаго дня, когда опереточный герой, растерявшись послѣ смерти Кондратенко, слалъ слезливыя и крикливыя телеграммы Государю, прошло почти два года, и Россія пережила такъ много ужасовъ, перенесла такія внутреннія потрясенія, что событія, разыгравшіяся у Желтаго моря, отошли въ далекое, почти забытое прошлое.

Генералъ Стессель сдалъ Портъ-Артуръ, уложивъ десятки тысячъ людей. Онъ поплылъ домой, здоровый и невредимый, и повезъ съ собою горы денегъ и добра, нажитаго въ то время, какъ разъѣденные цынгой умирали въ недодѣланныхъ ложементахъ. Какъ тріумфаторъ, плылъ онъ въ Россію и проѣхалъ по ней при безмолвіи народа, кое-гдѣ прерывавшемся свистками. Потомъ пошли слухи о текущихъ счетахъ, о покупкѣ домовъ; на своей дачѣ чета Стессель весело проводила время, а «сѣрая солдатская скотинка» спала въ чужой, далекой странѣ.

Мы увѣрены, что храбрый Стессель не очень сильно пострадаетъ за свою «государственную измѣну». Толпы царедворцевъ, торгующихъ Россіей распивочно и на-вынось, сумѣютъ отстоять драгоцѣнную жизнь бутафорскаго отца-командира».

«Курьеръ» сообщаетъ, что въ гусарскомъ полку въ Царскомъ Селѣ обнаружилось броженіе среди солдатъ, причемъ всѣ эскадроны, кромѣ одного, отказались исполнять распоряженія офицеровъ.

Во вторникъ изъ Петергофа прибыли въ Ц. С. Государь съ ген. Треповымъ и, удаливъ офицеровъ, вошли въ кругъ солдатъ.

По желанію солдатъ, Треповъ долженъ былъ выйти изъ круга, и вскорѣ уѣхалъ изъ Ц. С. Государь вызвалъ по особому списку нѣкоторыхъ солдатъ, разспрашивалъ ихъ о причинахъ неудовольствія, вспоминалъ, какъ они жили, когда онъ, будучи еще Наслѣдникомъ, служилъ въ этомъ полку, и усовѣщевалъ солдатъ.

Одинъ изъ вызванныхъ солдатъ изъ строя заявилъ общее неудовольствіе, что ихъ посылаютъ помогать полиціи въ усмиреніяхъ толпы, въ которой они иногда встрѣчаютъ своихъ родныхъ.

Опросивъ солдатъ, Государь затѣмъ отправился къ офицерамъ. «Лѣтопись».

Неужели опять? Изъ Кронштадта сообщаютъ, что волненія среди морскихъ командъ, рабочихъ и крѣпостныхъ войскъ все усиливаются, всѣ ждутъ повторенія октябрьскихъ безпорядковъ. Жители бѣгутъ изъ города, который наводняется войсками. Вчера спѣшно изъ Краснаго Села въ Кронштадтъ прибыли лейбъ-гвардіи гренадерскій и московскій полки, двѣ батареи гвардейской и артиллерійской бригады съ 12-ю скорострѣльными орудіями и двѣ пулеметныхъ роты изъ Ораніенбаума съ 22-мя пулеметами. Сегодняшнему пріѣзду къ коменданту крѣпости чиновника особыхъ порученій отъ генерала Трепова придаютъ значеніе и думаютъ, что это посѣщеніе находится въ связи съ прибытіемъ войскъ. «Л.»

У порога Думы. Среди солдатъ, несущихъ караульную службу при Государственной Думѣ въ Таврическомъ дворцѣ, усиленно распространяются черносотенные листки и брошюры; которые они, за достаткомъ свободнаго времени, читаютъ вслухъ, сидя на подоконникахъ оконъ спеціально отведеннаго для нихъ каменнаго корпуса. Какъ передаютъ, литературой этой снабжаетъ солдатъ одинъ изъ офицеровъ, который всячески старается убѣдить солдатъ въ ненужности Думы, и т. д. «Н. Ж.»

Партія—„заплати деньги“. Рабочіе Портъ-Артура, выдержавшіе осаду крѣпости и находящіеся въ настоящее время въ Петербургѣ, до сихъ поръ не могутъ покончить своихъ денежныхъ счетовъ съ военнымъ министерствомъ. По расчету рабочихъ, за сверхурочныя работы ихъ въ крѣпости во время осады, за порціонные, а также за убытки, которые они понесли при сдачѣ японцамъ Портъ-Артура, каждому изъ нихъ слѣдуетъ получить съ министерства около 500 руб. Въ министерствѣ каждый разъ терпѣливо выслушиваютъ рабочихъ, принципіально соглашаются съ ними въ томъ, что они дѣйствительно понесли убытки и что имъ слѣдуетъ дополучить за сверхурочныя работы и т. д., но денегъ все-таки не выдаютъ и ограничиваются обѣщаніемъ уладить дѣло въ ближайшемъ будущемъ На-дняхъ портъ-артурскіе рабочіе были приняты морскимъ министромъ Бирилевымъ, Во время бесѣды съ рабочими, министръ спросилъ ихъ, къ какой они принадлежатъ партіи, причемъ напередъ высказалъ увѣренность въ томъ, что большинство рабочихъ, бесѣдовавшихъ съ нимъ, принадлежитъ къ революціонерамъ. Тогда изъ среды рабочихъ выступилъ слесарь Фадѣевъ и сказалъ министру слѣдующее: «Къ какой мы партіи принадлежимъ, это не касается вашего превосходительства. А если вамъ уже интересно знать, то я могу удовлетворить ваше любопытство. Всѣ мы тутъ, въ министерствѣ, принадлежимъ къ партіи «Заплати деньги». «Н. Ж.»

Въ высшихъ сферахъ „Путь“ передаетъ, что вопреки оффиціальнымъ опроверженіямъ, въ Петергофѣ дѣйствительно происходило совѣщаніе, на которомъ обсуждался вопросъ о дальнѣйшей судьбѣ государственной думы, Въ этомъ совѣщаніи поднимались вопросы и о военной диктатурѣ и о роспускѣ думы, но противъ всѣхъ этихъ предложеній возсталъ Самъ Государь, опредѣленно и настойчиво выразившій свое желаніе, чтобы дума продолжала функціонировать, и рѣшительно не допустившій предложеній придворной партіи, какъ относительно военной диктатуры, такъ и относительно разгона думы. „Рѣчь“.

По отношенію къ Государственной Думѣ, единственный вопросъ, который занимаетъ придворныхъ—это каникулы. Распустить думу — этого одинаково желаютъ всѣ, но, въ послѣднихъ совѣщаніяхъ партіи, нѣкоторые начали высказывать сомнѣніе въ возможности достигнуть этого и, главное, въ безопасности этой мѣры.

Положеніе дѣлъ внутри Имперіи начинаетъ внушать серьезныя опасенія и придворные начинаютъ опасаться, чтобы распущеніе Думы не вызвало обостреній. «С. Ж.»

Неувѣренность. Сообщеніе газетъ о томъ, будто бы министръ юстиціи высказался въ сенатѣ въ томъ смыслѣ, что положеніе нынѣшняго кабинета совершенно прочно, не имѣетъ никакихъ основаній. Министръ заявилъ, что онъ ничего подобнаго не говорилъ. Намъ же изъ достовѣрнаго источника извѣстно, что министры сами въ своемъ положеніи далеко не увѣрены, и каждый изъ нихъ не знаетъ, что съ нимъ будетъ на другой день. «Л.»

Газета „Страна“ говоритъ: въ придворныхъ сферахъ возникла мысль о возвращеніи князя Святополкъ-Мирскаго, какъ наиболѣе отвѣчающаго, по ихъ мнѣнію, требованіямъ, которымъ сообразно современнымъ обстоятельствамъ долженъ удовлетворять премьеръ-министръ. «Р. В.»

„XX вѣкъ“ передаетъ: по слухамъ, высшей администраціей столицы предложено генералъ-маіору Мину занять постъ петербургскаго градоначальника. «П.»

Будто ложно. Петербург. телегр. агентство уполномочено заявить, что перепечатанное многими газетами изъ Нижнеудинска, Иркутской губерніи, извѣстіе, что въ январѣ сего года повѣшенъ, по приказанію генерала Меллеръ-Закомельскаго, священникъ о. Іоаннъ, состоящій законоучителемъ въ желѣзнодорожной школѣ станціи Тайшетъ, за неодобрительный отзывъ о дѣйствіяхъ офицеровъ отряда — совершенно ложно. «Л.

Примѣчаніе редакціи. Странное заявленіе. Кѣмъ это уполномочено агентство? Генераломъ Меллеръ-Закомельскимъ или священникомъ Іоанномъ? Если первымъ—цѣна заявленію одна; если вторымъ—другая.

Только бы не дома. «Петербургскій листокъ» сообщаетъ слѣдующее: «Говорятъ, что въ берлинской фирмѣ Мендельсона крупными вкладчиками являются нѣсколько нашихъ капиталистовъ, и даже называютъ этихъ капиталистовъ: одинъ Вышнеградскій, отецъ котораго будто бы въ духовномъ завѣщаніи приказалъ своему наслѣднику часть капиталовъ держать у Мендельсона въ Берлинѣ, а другой—супруга графа Витте. Такимъ образомъ, послѣднія операціи, давшія громадный барышъ Мендельсону, совершались на русскія деньги. «С. О.»

урядниковъ, что напоминало имъ о тяжелой дѣйствительности.

Писаря тотчасъ же пригласили въ комнату, а урядникамъ передали, чтобы ждали въ кухнѣ.

Писарь былъ человѣкъ лѣтъ подъ 50, рябой, бритый, съ гладко обстриженною головою и съ маленькими, хитрыми глазами. Онъ вошелъ въ комнату осторожно, какъ бы чего-то опасаясь, и нерѣшительно остановился у двери.

— Пожалуйте къ столу,—сказала ему матушка.

Тогда писарь подошелъ прежде всего къ батюшкѣ и поцѣловалъ ему руку, затѣмъ поздоровался съ матушкой, а потомъ съ приставомъ.

— А старшина?—спросилъ послѣдній.

— Онъ на вокзалъ проѣхалъ: получено извѣстіе, что, можетъ, земскій начальникъ пріѣдетъ,—отвѣтилъ писарь.

— Значитъ, съ вокзала заѣдетъ?

— Да, да...

— Ну, мы тогда еще поговоримъ, а теперь намъ надо посовѣтоваться поскорѣе: дѣло не терпитъ...

— Садитесь,—сказала матушка писарю,—и закусите.

Писарь занялъ мѣсто у стола и началъ закусывать, выпивъ предварительно водки, а приставъ въ то же время вынулъ большой пакетъ изъ кармана и, доставъ оттуда бумагу, сталъ читать ее про себя, а затѣмъ, не отрываясь отъ бумаги, заговорилъ съ писаремъ:

— Вотъ видите Семенъ Ивановичъ: предписывается узнать, кто и что дѣлалъ у насъ во время бунтовъ, и впредь пресѣкать дѣятельность партій.

— Вотъ, вотъ, вотъ,—вставилъ о. Петръ: то же самое и консисторія пишетъ...

—О, Господи!—вздохнувъ, произнесла матушка.

— Партій...партій,—между тѣмъ продолжалъ приставъ, не отрываясь отъ бумаги, партій—со-ці-алъ... со-ці-алъ-демо-кра-ти-че-ской, со-ці-али-стовъ-рево-лю-ці-онеровъ и кон-сти-ту-ці... Фу ты, чтобы вы провалились!.. кон-сти-ту-ці-онали-стовъ-де-мо-кра-товъ...

— Точь-въ-точь то же и консисторія сообщаетъ,—опять вставилъ батюшка..

— Погодите, это еще не все,—отвѣтилъ приставъ, вытирая потъ на лбу краснымъ платкомъ: тутъ и еще есть...

— Союзы?—сказалъ батюшка.

— И вамъ о нихъ сообщаютъ?

— Ка-акъ же!..

Приставъ опять сталъ смотрѣть въ бумагу и продолжалъ:

— Да, дѣйствительно, еще союзы: крестьянскій, учительскій, инженеровъ, адвокатовъ, союзъ-союзовъ... Ну дальше тамъ кой-какія поясненія...

Илья Кирилловичъ сложилъ бумагу и, глядя на писаря, сказалъ;

— Ну, Семенъ Ивановичъ, какъ тутъ быть?.. Да, вы еще не знаете, что къ намъ въ Свинарку назначаютъ генералъ-губернатора...

Семенъ Ивановичъ быстро заморгалъ глазами и потеръ ихъ, словно бы онъ только-то проснулся, и молча въ упоръ посмотрѣлъ на пристава.

— Да вы что, не вѣрите,—спросилъ послѣдній.

— Генералъ-губернатора?—переспросилъ писарь.

— Ну да!

— Въ Свинарку?

— Да, да! Дня черезъ три-четыре прибудетъ и можетъ затребовать всѣ свѣдѣнія.

Писарь пожалъ плечами, какъ-то неестественно улыбнулся и бросилъ на всѣхъ растерянный взглядъ, видимо не довѣряя еще сообщенію пристава.

Илья Кирилловичъ вспылилъ:

— Да что вы думаете, я шутить пріѣхалъ?! Такими вещами не шутятъ!

Энергичный тонъ пристава внушилъ довѣріе писарю и онъ спросилъ:

— А кого назначили?

— Исправникъ еще не знаетъ, кого именно, но слышалъ, что назначеніе уже состоялось... Говорятъ какой-то генералъ, который живетъ въ губернскомъ городѣ... Да это все равно, а вотъ какъ на счетъ свѣдѣній о союзахъ, партіяхъ?

Семенъ Ивановичъ опустилъ голову, приложилъ ко лбу и послѣ нѣкоторой паузы сказалъ:

— Остается одно—сообщить по рубрикамъ...

— Какъ „по рубрикамъ!“

— А вотъ какъ мы ежегодныя вѣдомости составляемъ: столько-то православныхъ, столько-то іудеевъ, столько-то храмовъ...

— Понимаю, понимаю,—сказалъ приставъ,—это мысль хорошая, но какъ же вы заполнять рубрики будете, сколько кого?

Писарь ехидно улыбнулся и отвѣтилъ:

— А развѣ въ нашихъ вѣдомостяхъ всѣ цифры вѣрныя? Особенно, если спѣшно требуютъ... Что же больше дѣлать? Если бы это за годъ извѣстили—другое дѣло, а то за три дня—ничего не выдумаешь...

— Но все же, какъ это вы думаете?

— Да, вотъ, положимъ, союзъ крестьянскій—кто же въ немъ состоять можетъ? Только мужики?

— Ну?

— Ну, вотъ, значитъ, въ союзѣ столько-то: пятьдесятъ, положимъ, или тридцать...

— Хорошо, а если потребуются именные списки?

— Что мы не наберемъ? Всѣхъ вотъ этихъ горлопановъ туда и внести, что на сходахъ безобразничаютъ да требованія разныя предъявляютъ. Они всѣмъ извѣстны... Помните, въ прошломъ году хотѣли старшину смѣстить, меня..

— Да, да, да! Отлично!

— Ну, потомъ въ учительскій союзъ—всѣхъ учителей...

— Земскихъ, земскихъ,—вмѣшался о. Петръ, которому, видимо, понравилась идея писаря: эти земскіе учителя и учительницы одного поля ягода!

— О-о, я ихъ знаю!—воодушевлялся приставъ, предвкушая похвалу со стороны генералъ-губернатора, предъ которымъ онъ только-что мысленно трепеталъ.

Затѣмъ, развивая идею Семена Ивановича, онъ уже самъ продолжалъ:

— Потомъ въ союзъ инженеровъ можно вотъ этого зачислить какъ, его?.. Что живетъ близъ Даниловки...

— Это зять Ластовскаго?

— Крячкинъ?

— Вотъ, вотъ.

— Да, онъ на дорогѣ служитъ, его можно...

— И храма никогда не посѣщаетъ,—прибавилъ о. Петръ и спросилъ: а вотъ этого, что прошеніе крестьянамъ пишетъ и въ газетахъ пишетъ,—Гранникова?

— Его въ союзъ адвокатовъ непремѣнно!—воскликнулъ приставъ,—непремѣнно! Это негодяй бо-ольшой руки! Мнѣ извѣстно, чго въ газетахъ онъ пишетъ: жандармскій унтеръ-офицеръ говорилъ всегда, что Гранниковъ почти ежедневно письма на станціи въ ящикъ опускаетъ... Превосходно! По этому случаю можемъ даже еще выпить...

Приставъ налилъ три рюмки водки и сказалъ:

— Ну, выпьемъ, чтобы все у насъ обошлось благополучно.

Батюшка, приставъ и писарь чекнулись, выпили и закусили.

Послѣ этого о. Петръ предложилъ выпить, чтобы и ему непріятностей не было. Выпили и по этому поводу. Но, вдругъ, приставъ спохватился:

— Постойте, Семенъ Ивановичъ: ну, союзъ мы распишемъ, а какъ же на счетъ партій этихъ, если запросъ будетъ?

— Партій?—переспросилъ писарь.

Онъ опять наклонилъ голову и приложилъ руку ко лбу, придумывая отвѣтъ на вопросъ пристава, а затѣмъ черезъ нѣкоторое время сказалъ:

— А я такъ думаю, что можно написать, что союзъ есть, а партій такихъ не имѣется. Съ этими партіями можно ошибиться, а у насъ никого для нихъ и не останется: всѣ по союзамъ разбиты...

— Нѣтъ, неудобно,—задумчиво произнесъ приставъ: могутъ сказать, что не было надлежащаго надзора—когобы-нибудь надо...

— А что, если въ партію какую-нибудь предсѣдателя земской управы включить?—внесъ предложеніе о. Петръ.—Это такой скрытный человѣкъ, что и сказать не могу! Что онъ мнѣ крови перепортилъ земскими школами! Намъ предписаніе, чтобы мы церковныя строили, а онъ ѣздитъ, да приговоры отбираетъ на земскія! И, кромѣ того, въ храмъ носа не показываетъ! Цѣлое вѣдь лѣто почти онъ въ усадьбѣ проживаетъ, а я его не видѣлъ ни разу въ храмѣ.

— О-о, я знаю его, знаю!—соглащался съ батюшкой приставъ: это дѣйствительно бунтовщикъ...

— Я бы его похуже аттестовалъ,—сказалъ батюшка,—я бы его занесъ вотъ въ эту партію, что и не выговоришь... Какъ ее?

Приставъ раскрылъ бумагу и, пробѣжавъ ее глазами, прочиталъ, батюшкѣ.

— Консти-ту-ціо-на-ли-сты-демократы?

— Во-во! Это, должно полагать самая новая, язвительная.

— Можно, можно,—отвѣтилъ приставъ.

— Это, дѣйствительно, не мѣшаетъ,—согласился писарь.

— Ну, теперь, выпьемъ еще по одной, чтобы дѣло у насъ ладилось, да вы, Семенъ Ивановичъ, упирайте и составляйте рапортичку... Ужъ я васъ за это поблагодарю, вы знаете...

— Много вамъ и такъ благодаренъ, Илья Кирилловичъ: охотно сдѣлаю...

— А урядникамъ скажите, чтобы шли по домамъ: они мнѣ теперь не нужны,—пусть завтра въ станъ приходятъ.

— Слушаю.

— Вы, Семенъ Ивановичъ, и мнѣ такую же рапортичку набросайте,—обратился къ писарю о. Петръ: въ случаѣ запроса, чтобы и я могъ, да еще мнѣ надо съ батюшками посовѣтоваться,—тоже пригодится...

— Съ большимъ удовольствіемъ и для васъ составлю.

— Ну, выпьемъ же,—сказалъ приставъ,—и упирайте, а я еще немного подожду: если не прійдетъ старшина съ земскимъ,—тоже скоро уйду, а завтра непремѣнно въ волости буду.

Послѣ этого батюшка, приставъ и писарь выпили еще по рюмкѣ, и Семенъ Ивановичъ, попрощавшись, ушелъ, чтобы ѣхать для составленія рапортички.

А Илья Кирилловичъ тотчасъ сталъ расхваливать писаря:

— Если бы этотъ человѣкъ не пилъ, да ему бы губернаторомъ быть! Онъ вѣдь былъ секретаремъ полицейскаго управленія въ губерніи, да за пьянство удалили. Я тогда съ нимъ еще близко сошелся и понялъ, что это за человѣкъ. Сколько мнѣ трудовъ стоило, чтобы писаремъ сдѣлать его у насъ! И теперь мужланы все его хотятъ смѣстить. Но земскій понимаетъ, что за человѣкъ Семенъ Ивановичъ, и отстаиваетъ.

Затѣмъ батюшка и приставъ еще выпили и начали вести воспоминанія вообще о своемъ прежнемъ спокойномъ житьѣ-бытьѣ и сопоставлять его съ новыми тяжелыми временами. Въ этой части бесѣды приняла участіе и матушка, до сихъ поръ молчавшая.

Было уже довольно поздно, когда тройка увезла пристава отъ батюшки, а звонкій колокольчикъ тревожилъ сонъ мирныхъ жителей, не подозрѣвавшихъ, что ихъ участь была рѣшена въ мирной бесѣдѣ, за рюмкой водки.

Скоро въ газетахъ появилось извѣстіе, что свинарскій генералъ-губернаторъ заполнилъ тюрьмы крестьянами, учителями, земскими дѣятелями и интеллигенціей и что большинство арестованныхъ предназначены къ высылкѣ въ отдаленныя мѣста Сибири. Нетрудно было догадаться, что генералъ-губернаторъ дѣйствовалъ „по рубрикамъ“, сочиненнымъ писаремъ и представленнымъ приставомъ, исправникомъ или, быть-можетъ, самимъ губернаторомъ, совершенно не интересуясь тѣмъ,—губитъ ли онъ правыхъ или виноватыхъ.

И до сихъ поръ въ тюрьмахъ, по пути въ Сибирь и въ самой Сибири томятся тысячи ни въ чемъ неповинныхъ лицъ, гибнущихъ „по рубрикамъ“. Это ужасное дѣло рукъ бюрократіи можетъ отчасти (мертвыхъ не воскресить)! поправить лишь самая широкая амнистія, безъ которой народнымъ избранникамъ въ Государственной Думѣ невозможно приступить ни къ какому дѣлу.

«Р. В.» *М. П. Бѣлоконскій.*

Честный наборщикъ. На дняхъ высылается въ административномъ порядкѣ рабочій, наборщикъ типографіи спб. градоначальника Андроновъ, находящійся нынѣ въ пересыльной тюрьмѣ. Причиной его ареста, по слухамъ, послужили слѣдующія обстоятельства: 30 апрѣля, въ типографію градоначальника поступили для напечатанія черносотенныя воззванія. Наборщики отказались набирать ихъ, заявивъ, что не желаютъ способствовать распространенію человѣконенавистническихъ прокламацій и натравлять одну часть общества на другую. На слѣдующій день, 1-го мая, всѣ наборщики получили расчетъ, а Андроновъ черезъ нѣсколько дней былъ арестованъ и отправленъ въ пересыльную тюрьму. Послѣ двухнедѣльнаго заключенія (его не допрашивали и никакого обвиненія не предъявляли) ему было объявлено, что онъ высылается въ одну изъ сѣверныхъ губерній на 5 лѣтъ «за вредное направленіе». Такая же участь грозитъ и нѣкоторымъ его товарищамъ. «Р.»

Старый знакомый. Изъ Балаклавы пишутъ: Бывшій исправникъ въ Сибири, имѣвшій непріятности съ Ѳемидой, **Турчаниновъ**, собиравшій подписи подъ адресомъ на Высочайшее Имя о сохраненіи смертной казни и упраздненіи манифеста 17 октября, жестоко избилъ бывшаго члена управы Чумакова, отказавшагося подписать адресъ. «Страна».

Примѣчаніе редакціи. Исправляя неточность въ отношеніи г. Турчанинова, бывшаго не исправникомъ, а становымъ приставомъ въ с. Абаканскомъ, Минус. уѣзд., не можемъ умолчать о томъ, что въ 1902 г. этотъ чинъ ухитрился надѣть кандалы одному арестанту на руки, ноги и на шею, за что и имѣлъ непріятности.

Мѣстная хроника.

Вчера получена нами изъ Кургана поданная 29 іюня отъ Члена Государственной Думы С. А. Ермолаева слѣдующая телеграмма: „Переваливаю рубежъ Азіатской Россіи, привѣтствую всѣхъ гражданъ за единомысліе. Духъ мой крѣпнетъ, надѣюсь на Васъ“.

Г. Ермолаевъ, какъ намъ извѣстно, выѣхалъ изъ Красноярска въ понедѣльникъ, 26 іюня, въ 6 ч. вечера со скорымъ поѣздомъ и чрезъ 3 дня, какъ видно изъ его телеграммы, былъ уже въ Курганѣ, т. е. почти на полпути до Петербурга.

Наказъ члену Государственной Думы, вырабатывавшійся на цѣломъ рядѣ собраній, остался, кажется, все еще неоконченнымъ. Онъ потребуетъ, вѣроятно, еще нѣсколькихъ совѣщаній въ виду того, что до сего времени остались совершенно необсужденными всѣ тѣ частныя нужды, которыя вызываются особенностями мѣстной жизни. На послѣднемъ весьма многолюдномъ собраніи рѣшено было присоединиться къ наказу, выработанному на съѣздѣ представителей сельскаго и городского населенія въ с. Шушенскомъ, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи представить С. А. Ермолаеву дополнительный къ нему наказъ, обнимающій какъ общія, такъ и мѣстныя нужды.

На послѣднемъ собраніи, состоявшемся въ воскресенье 18-го іюня, присутствовалъ членъ Государственной Думы Симонъ Афанасьевичъ Ермолаевъ. Вторая половина засѣданія превратилась въ сплошное, весьма оживленное и единодушное чествованіе народнаго избранника. Единогласно рѣшено было передъ отъѣздомъ его изъ города отслужить напутственный молебенъ и проводить до парохода. Собраніе кончилось шествіемъ, во главѣ съ членомъ Государственной Думы, по улицамъ города.

---

20 іюня въ 3 часа дня благовѣсть въ соборѣ возвѣстилъ о началѣ молебна о благополучномъ исходѣ миссіи г. Ермолаева. Молебенъ былъ отслуженъ на соборной площади при весьма многолюдной толпѣ. Всѣ магазины были закрыты, рабочіе вездѣ сняты даже..... на монополіи. По окончаніи молебна одинъ изъ священниковъ, от. Александръ Брилліантовъ, сказалъ весьма прочувствованное напутственное слово и, сотворивъ земной поклонъ, просилъ г. Ермолаева быть ходатаемъ за наши нужды и въ крайности умереть въ борьбѣ со славой, но не возвращаться съ позоромъ.

По окончаніи молебствія вся толпа, во главѣ съ г. Ермолаевымъ, двинулась на пристань къ пароходу „Россія“, отходъ котораго былъ назначенъ въ 5 ч. вечера; но прощаніе и говорившіяся рѣчи отходъ парохода замедлили болѣе, чѣмъ на часъ. Пароходъ отошелъ въ половинѣ седьмого при крикахъ ура!

По поводу циркулировавшихъ въ городѣ слуховъ объ отставкѣ Г. Начальника Енисейской губ. можемъ сообщить, что мы получили изъ достовѣрныхъ источниковъ свѣдѣнія, что камеръ-юнкеръ В. Ф. Давыдовъ совершенно неожиданно и вопреки его желанію, по возвращеніи изъ Минусинска, телеграфнымъ распоряженіемъ уволенъ отъ должности съ причисленіемъ къ министерству внутр. дѣлъ.

Нельзя не пожалѣть этого весьма тактичнаго и въ высшей степени гуманнаго администратора.

Полученные нами первые номера новыхъ сибирскихъ газетъ—Иркутской „Молодая Сибирь“, отъ 20 с. іюня, и Красноярской „Сибирскія Вѣсти“, отъ 21 с. іюня, взамѣнъ „Сибирскаго Обозрѣнія“ и „Голоса Сибири“ производятъ весьма отрадное впечатлѣніе во всѣхъ отношеніяхъ; искренно сожалѣя о томъ, что выходъ этихъ газетъ связанъ съ закрытіемъ другихъ, уже завоевавшихъ себѣ симпатіи читающей публики, привѣтствуемъ ихъ пожеланіемъ долголѣтія.

„..... Дай то Богъ, чтобъ зрѣло шло и развивалось дорогое дѣло!“.

Сегодня вмѣсто „Молодой Сибири“ почему-то получены только агентскія телеграммы. Неужели и эта газета пріостановлена?

Слабость санитарнаго надзора нашего города заставляетъ желать многаго. На многихъ улицахъ видны большія впадины, гдѣ послѣ дождей, не смотря на сухую песчаную почву, образуются громадныя лужи, почти никогда невысыхающія и заражающія воздухъ. Всѣ эти впадины при желаніи возможно бы засыпать находящимся около заплотовъ пескомъ, который, будучи надутъ вѣтромъ, образовалъ изъ себя цѣлые бугры, заросшіе крапивой и напоминающіе захолустную деревню. Въ центрѣ города, не говоря уже объ окраинахъ, можно встрѣтить потоки выливаемыхъ во дворѣ помоевъ, вытекающихъ на улицу (для чего со двора проведена подъ заборъ канава), гдѣ они образуютъ постоянную лужу, высыхающую лишь въ весьма жаркіе дни. Этотъ послѣдній антисанитарный безпорядокъ относится и къ владѣльцу дома на углу Большой и Барнаульской улицъ № 23/36. Не рѣдкость встрѣтить по улицамъ города массу рогатаго скота, почему-то неугнаннаго на пастбище; а лошади пасутся привязанными около забора на травянистыхъ улицахъ—среди города; также часто проходящій обыватель по сторонѣ улицы, около заплотовъ, можетъ запнуться за дохлую кошку или собаку. Недавно мы имѣли случай видѣть на площади, въ базарный субботній день, около вѣсовъ, дохлую собаку, распорядиться прибрать которую, видимо, не было никому надобности.

Изъ всего ясно, что нашему городу далеко до другихъ благоустроенныхъ городовъ! Ничтожная чистка улицъ производится въ исключительныхъ случаяхъ и то лишь обыватель принуждается къ этому распоряженіемъ полиціи въ ожиданіи пріѣзда какого-нибудь „большого начальства“ изъ губерніи.

Намъ пишутъ съ оз. Шира, что условія жизни въ текущемъ сезонѣ не далеко ушли отъ прошлыхъ лѣтъ. Дороговизна страшная: переѣздъ отъ Батеней до курорта стоитъ до 9 р. за тройку; комната стоитъ 50—70 р. Удобства больныхъ совершенно третируются; купальни не защищены отъ вѣтра, вездѣ грязь невообразимая; присмотра за порядкомъ и чистотой никакого. Почтовое сообщеніе неправильно, такъ Красноярская почта получается на 9—10 день. Въ прежніе годы были телеграммы, издаваемыя въ Минусинскѣ, а нынѣ нѣтъ и того; причина этого та, что директоръ курорта г. Чуйкинъ не произвелъ за прошлогодній сезонъ расчета за посылаемые нами и проданные имъ бюллютени.

Словомъ на оз. Шира царятъ прежніе порядки, или вѣрнѣе безпорядки....

Убитые грозой. Намъ передаютъ, что въ четвергъ, 22 сего іюня, вечеромъ близъ с. Большая Иня на пашнѣ убило грозой молодого парня и вмѣстѣ съ нимъ находившихся тамъ трехъ лошадей. Не проходитъ ни одного лѣта, чтобы во время грозы въ этой деревнѣ не было несчастій.

Письма въ Редакцію.

М. Г. Господинъ Редакторъ!

Не найдете ли возможнымъ черезъ посредство издаваемой Вами газеты довести до свѣдѣнія лицъ, вѣдающихъ благоустройство и хозяйство городского кладбища слѣдующее: по заявленію посѣщающихъ кладбище лицъ, тамъ пасутся не единицы, а уже десятки лошадей и коровъ;—что-же это такое? Вѣдь помимо того, что они ломаютъ памятники и кресты, топчутъ могилы и загаживаютъ ихъ,—этимъ самымъ возбуждается въ публикѣ обидное чувство о небрежномъ, кощунственномъ отношеніи къ мѣсту вѣчнаго покоя дорогихъ намъ лицъ. Раньше въ воротахъ былъ сторожъ, а теперь это отмѣнено. *В. Шаталовъ.*

Примѣчаніе редакціи. Помѣщая настоящее письмо и принимая во вниманіе, что въ редакціи имѣются свѣдѣнія о многихъ случаяхъ похищенія лентъ и вѣнковъ съ могилъ, редакція присоединяется къ мнѣнію г. Шаталова, что благоустройство Минусинскаго городского кладбища дѣйствительно оставляетъ желать болѣе внимательнаго къ нему отношенія.

М. Г. Господинъ Редакторъ!

Въ № 3 Вашей газеты напечатано сообщеніе о томъ, что „я возбудилъ ходатайство о воспрещеніи члену Государственной Думы С. А. Ермолаеву собранія уполномоченныхъ для выясненія нуждъ населенія.

Сообщеніе это ложно, такъ какъ я подобнаго ходатайства не возбуждалъ, а лишь передалъ по телеграфу начальнику губерніи просьбу члена Думы о разрѣшеніи собранія волостныхъ сходовъ для выбора уполномоченныхъ. Отвѣтъ начальника губерніи мною былъ сообщенъ г. Ермолаеву немедленно по полученіи.

Прошу Васъ на основаніи 138 и 139 ст. ценз. устава напечатать настоящее мое разъясненіе въ ближайшемъ № газеты „Телеграфъ и Почта“.

Крестьянскій Начальникъ 4 уч. Мин. уѣзд. *Милорадовскій.*

Смѣсь.

Наши дни.

(Подражаніе).

Роскошь, такъ ужъ роскошь,
Истинно безпутная,
Бѣдность, такъ ужъ бѣдность—
Смерть ежеминутная.
Курочкинъ

Ну, ужъ время-времячко,
Истинно безпутное,
Произволъ, безправіе
Всюду абсолютное.
Бунты, такъ ужъ бунты,—
Широко развитые
И плодятъ ихъ сильные—
Люди именитые.
Казни, такъ ужъ казни,
Истинно ужасныя,
Смерти, такъ ужъ смерти—
Чуть-ли не напрасныя....
Тюрьмы, такъ ужъ тюрьмы,
Всѣ биткомъ набитыя,
Смутой и страданьями,
Кровію залитыя,
Люди, такъ ужъ люди,
Съ мыслію предвзятою,
Преслѣдуютъ ближняго
Клеветой проклятою.
«Дума» наша «думушка»,
(Призовемъ святителей),
Пусть она избавится
Отъ злыхъ притѣснителей.
И когда избавится—
Тогда жизнь народная
Будетъ и довольная,
И во всемъ свободная.

Странствующій регентъ.

Минусинскъ, 26 іюня 1906 г.

Телеграммы

С.-Петерб. Телеграфн. Агентства.

Петербургъ, 28 іюня. **Госуд. Дума.** Засѣданіе возобновилось въ 3 ч. 15 м. Пустошкинъ на основаніи показаній офицеровъ приходитъ къ заключеніямъ, высказаннымъ Щепкинымъ, Араканцевымъ и Якубсономъ. Бар. Роопъ, приводя рядъ новыхъ фактовъ, считаетъ, что погромъ былъ заранѣе извѣстенъ, опредѣлена была даже его длительность; причинами погрома считаетъ раздраженіе, вызываемое сорганизованностью еврейства среди **„истинно-русскихъ“** людей, полиціи и войскъ; указываетъ, что центральныя власти и высшіе начальники всегда противъ погромовъ; ихъ вина въ обычной несвоевременности отдаваемыхъ ими распоряженій; между высшими и низшими властями полное отсутствіе связи; только широкое мѣстное самоуправленіе можетъ обезопасить въ будущемъ отъ погромовъ. (Аплодисменты). Винаверъ, отвѣчая Роопу, подчеркиваетъ, что революціонныя анархическія, а не спеціально-еврейскія организаціи способны вызывать раздраженіе; далѣе, сказавъ о трудности самообладанія для человѣка, вскрывающаго трупы близкихъ ему, переходитъ къ разбору правительственнаго сообщенія о Бѣлостокскихъ событіяхъ; **правительство, оффиціально признавшее, что полиція разстроилась до того, что не можетъ бороться съ революціею, вынесло себѣ смертный приговоръ; въ Бѣлостокѣ былъ не погромъ, а погромная экспедиція для устрашенія революціонеровъ путемъ убійства мирныхъ гражданъ; ораторъ находитъ, что представители центральной власти послѣ убійства Плеве сами находятся въ такомъ же разстройствѣ, какъ и низшіе агенты власти;** приведя рядъ примѣровъ продолжающейся дѣятельности правительства по распространенію человѣконенавистнической литературы, говоритъ, что **правительство само подкопало тѣ устои власти, которые оно должно было поддерживать; такому правительству на мѣстахъ нужна не власть, а ватага убійцъ, прикрываемыхъ ложью правительственныхъ сообщеній, которыя ораторъ называетъ анонимнымъ пасквилемъ на весь русскій народъ,** превращающимъ цвѣтъ еврейской молодежи въ анархистовъ, но евреи будутъ бороться съ дѣятельностью правительства этого рода, захватившаго въ послѣднее время и войско, рука объ руку съ единственнымъ своимъ союзникомъ; этотъ союзникъ—исполненный человѣчности весь русскій народъ. (Овація). **Послѣ Винавера говоритъ Родичевъ; въ страстной рѣчи ораторъ обрушивается на министерство, указывая, что оно руководится исключительно политикою ложныхъ доносовъ, развращаетъ армію и солдатъ, которые во внутренней войнѣ должны жертвовать своей жизнію, не щадя врага; всѣ обращенія Думы къ министрамъ оказались тщетными; неужели они не слышатъ раскатовъ грома, которые скоро соберутся въ одинъ страшный ударъ и раздавятъ страну; если и тогда министры, опасаясь взрыва, не уйдутъ, то будетъ поздно.** (Бурные аплодисменты на всѣхъ скамьяхъ)

Петербургъ, 28 іюня. **Госуд. Дума. Левинсонъ считаетъ погромы повтореніемъ средневѣковой инквизиціи;** въ древности существовало идолопоклонство, идоламъ приносились въ жертву человѣческія жизни, но народъ позналъ Бога и понялъ, что Богу жертвы не нужны; въ средніе вѣка инквизиторы торжественно обставленныхъ ауто-да-фе тоже сжигали евреевъ, сжигали за то, что они шли противъ Бога; теперь—другіе боги: поклоненіе извѣстному режиму и принципъ экономическаго рабства; это боги мрачные и темные; жертвы имъ приносятся не при торжественныхъ кострахъ, а во тьмѣ и мракѣ подваловъ и чердаковъ; пора положить конецъ средневѣковью, пора не вѣрить правительственнымъ сообщеніямъ: только по мнѣнію министровъ ложь подъ казенною печатью становится правдой. Далѣе принимается запросъ **о незаконномѣрныхъ дѣйствіяхъ барона Меллеръ-Закомельскаго въ Сибири** и запросъ о незаконномѣрности и неправильности правительственнаго сообщенія по аграрному вопросу. **Кузьминъ-Караваевъ находитъ въ сообщеніи полный составъ 129 ст. уг. ул.** Запросъ переданъ въ редакціонную комиссію. Засѣданіе закрыто въ 7 часовъ.

Редакторъ-издатель **В. В. Федоровъ.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ

ТИПОГРАФІЯ

В. В. Федорова,

въ г. Минусинскѣ.

Симъ имѣетъ честь предложить, что съ настоящаго времени имѣетъ возможность исполнять разнообразные казенные и частные типографскіе заказы—

ПО ЗНАЧИТЕЛЬНО УДЕШЕВЛЕННОЙ ЦѢНѢ.

Для Г.г. золотопромышленниковъ имѣются въ продажѣ золотозаписныя пріисковыя книги, разсчетныя книги и книжки, контракты, табеля, раскомандировки, бланки для свѣдѣній и проч.

Для солеваренныхъ и другихъ заводовъ и фабрикъ имѣются казенныя и частныя книги, разсчетныя книжки, а также и прочія бланки.

Для волостныхъ и сельскихъ правленій имѣются въ запасѣ разные бланки и книги. Для удобства просимъ прилагать оригиналы требуемаго.

ЗАКАЗЫ ИСПОЛНЯЮТСЯ КЪ НАЗНАЧЕННОМУ СРОКУ. 0—1

Принимается

ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ

(издающуюся въ Краснярскѣ)

„СИБИРСКІЯ ВѢСТИ“

Подписная цѣна: полгода 3 р. 50 коп., 3 мѣсяца 1 р 80 коп. одинъ мѣсяцъ 60 коп.

ОТЪ РЕДАКЦІИ ГАЗЕТЫ

„Голосъ Сибири“

По распоряженію Иркутскаго военнаго генералъ-губернатора изданіе газеты «Голосъ Сибири» пріостановлено на время военнаго положенія въ краѣ.

Подписчики «Голоса Сибири» впредь до возобновленія изданія будутъ получать газету «Сибирскія Вѣсти,» о чемъ съ издателемъ послѣдней, докторомъ Козловымъ, состоялось особое соглашеніе. 0—1

„СИБИРСКІЕ ВОПРОСЫ“

съ 1 іюля 1906 года будутъ выходить ежемѣсячно по программѣ, расширенной отдѣлами беллетристики, хроники, общественной жизни Сибири, исторіи и географіи.

Подписная плата съ 1 іюля до конца года 4 руб.

Отдѣльныя книжки по 75 коп.

Подписныя деньги и статьи просятъ направлять на имя издателя, Владиміра Платоновича Сукачева.

(С.-Петербургъ, Бассейная, 8)

Подписчики могутъ пріобрѣтать 1 и 2 №№ „Сибирскихъ Вопросовъ“ (за первый годъ), **по удешевленной цѣнѣ 3 рубля.**

Городская подписка въ Петербургѣ принимается исключительно въ книжн. маг. „ТРУДЪ“, (Невскій 60). 0—1

Открыта подписка на 1906 годъ

НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ ЭКОНОМИЧЕСКУЮ И ОБЩЕСТВЕННУЮ ГАЗЕТУ

„СТРАНА“

Условія подписки: Съ доставкой и пересылкой въ Спб. и Россіи:

На 12 мѣс.	на 10 м.	на 6 м.	на 3 м.	на 2 м.	на 1 м.
12 руб.	10 р.	6 р.	3 р.	2 р. 20 к.	1 р. 10 к.

ЗА ГРАНИЦУ:

На 12 мѣс.	на 10 м.	на 6 м.	на 3 м.	на 2 м.	на 1 м.
24 руб.	22 р.	12 р.	6 р.	4 р.	2 р.

Для учащихся въ высш. уч. зав., сельск. свящ. и учителей:

На 12 мѣс.	на 10 м.	на 6 м.	на 3 м.	на 2 м.	на 1 м.
8 руб.	7 р.	4 р.	2 р. 25 к.	1 р. 50 к.	80 к.

Адресъ конторы: С.-Петербургъ Невскій пр. 65.

Редакторы { *Максимъ Ковалевскій.* *Проф. И. Иванюковъ* } Издатель *А. Н. Александровскій.* 0—1

Типографія В. В. Федорова въ Минусинскѣ.